УДК 800

МИФОПОЭТИКА И ЭПОС (ПОВЕСТЬ ЕВГЕНИЯ НОСОВА «УСВЯТСКИЕ ШЛЕМОНОСЦЫ»)

В.Н. Криволапов

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы

e-mail: vladnik57@rambler.ru

Курский государственный университет

Автор пытается истолковать смыслы повести Е.И. Носова через актуализацию мифопоэтического контекста произведения. Автор обращает внимание на неслучайность эпиграфа, предваряющего текст повести, и берётся продемонстрировать созвучие «Слова о полку Игореве» и произведения, увидевшего свет через 30 лет после окончания Великой Отечественной войны. Решая эту задачу, автор обращается к поэтике русской волшебной сказки и актуализирует средневековые литературные ассоциации.

Ключевые слова: война, эпос, мифопоэтика, сказка, былина, агиография.

Введение

Всякий пишущий человек знает, что замысел – это одно, а реализация замысла – это нечто, существенно, а порою решительно – иное! Полагаю, относится сказанное не только к текстам, претендующим на научное звучание, но и к тем, что претендуют на звучание художественное.

Когда несколько лет назад я после очень долгого перерыва, взялся перечитать «Усвятских шлемоносцев», то, разумеется, прежде всего прочитал предваряющий повесть эпиграф из «Слова о полку Игореве». Не скрою, посетило меня чувство легкой неловкости, усомнился я в уместности подобного эпиграфа. Что, мол, у нас знают из древней литературы, кроме этого памятника, а потом именно в «Слове...» звучит самая комплиментарная за всю тысячелетнюю историю русской литературы характеристика курян, которую наизусть заучивают ещё на школьной скамье. По мере погружения в текст повести стало пробуждаться чувство неловкости за самого себя, за то, что позволил снисходительно оценить обращение выдающегося писателя к средневековому литературному памятнику. Чем дальше, тем очевиднее становилось что два произведения, повесть нашего современника и того, что было создано 800 лет назад и жанровая природа которого до сих пор не определена, звучат в унисон.

Материалы и методы

В настоящей публикации мы выявим мифопоэтический контекст повести, который, по нашему убеждению, сообщает произведению эпическое звучание. Предметом изучения станет текст Е.И. Носова, «Слово о полку Игореве», тексты русских литературных классиков XIX в. Будут задействованы мифопоэтический и историко-литературный методы.

Результаты

В самом начале «Слова...» неизвестный нам автор пытается определиться с тональностью своего произведения, предпринимает две попытки начать рассказ о событиях Игорева похода, вспоминает то ли мифологического, то ли реально существовавшего певца Бояна, передоверяет ему право начать «песнь», а как только попадает «в ноту», сразу же забывает, что повествует не он, а Боян, забывает даже обозначить, где кончается вступление и начинается повествовательная часть, что позволяет ему сообщить повествованию о злополучном походе новгород-северского князя трагическую тональность и исключительную степень лирической свободы, когда автор, отдаваясь как бы ниоткуда возникающим ассоциациям, будет переноситься из эпохи в эпоху, вспоминать о событиях не имеющих прямого отношения к Игорю. Напомню, что в начале я обмолвился относительно того, что у пишущего чаще всего получается не то, на что он изначально рассчитывал. В этой связи: до недавнего времени в тренде значились темы исследований, начинающиеся с формулы «Древнерусская литература и ...» - далее следовало упоминание какого-либо автора 19-20 веков. Не знаю, как у кого, но у меня теперешнего подобная тема уже не выговорилась бы. И не потому, что отношение к средневековой словесности изменилось. Разумеется, нет! Оно усложнилось и, смею надеяться, углубилось, а вместе с этим пришло понимание того, что древнерусские мотивы, вкупе с фольклорными ассоциациями, а у литературных классиков они, как правило соседствуют, обеспечивают создание, мифопоэтического контекста, в пределах которого реализуются творческие установки автора.

Наследие Евгения Ивановича Носова - яркий тому пример! В русской литературной и, шире, общекультурной традиции осваивать военную тему в жанре романа-эпопеи. Так мы привыкли считать: «Война и мир», «Тихий Дон», «Хождение по мукам». Кто-то вставит в этот ряд «Живых и мертвых», «Жизнь и судьбу». Литературоведы учат, что роман-эпопея – это роман, сюжет которого охватывает масштабные исторические события. Автора этих строк не оставляет ощущение, что, употребляя соответствующий термин, пишущие или говорящие стремятся определиться не только с жанровой природой того или иного произведения, но и сделать автору комплимент – дескать, не только роман, но ещё и эпопея! Какой-то критик стремится похвалить литератора-

однопартийца, кто-то получает заказ от властей предрержащих, и появляются на свет не только литературные произведения, но и киноэпопеи, как, например, «Падение Берлина», фильм, отснятый в 1949 г. или «Освобождение» середины 70-х. После приказа о развенчании культа личности, фильм надолго исчез с экранов! Да, и степень условности изменилась, к тому же согласимся, неловко смотреть на то, как девушка проходит через ужасы войны, вдохновляясь мечтой... поцеловать товарища Сталина! Поэтому в 70-е годы появилась новая эпопея, где опять же девушка в исполнении Ларисы Голубкиной проходила через ужасы той же войны, с тем чтобы в последние её дни в мутных водах затопленного берлинского метро потерять любимого человека. Прекрасные актеры, убедительные сцены сражений, но эпическая составляющая не просматривается, разве что пафосная. Если, конечно, говорить об эпосе как роде искусства, а не разновидности комплимента.

Вместе с тем, убеждён, что эпос о Великой Отечественной войне у нас существует и явлен он был в творчестве Евгения Носова. Будучи студентом, я был очень удивлён, что роман и эпос – это не одно и то же. Тогда я впервые читал М.М. Бахтина [Бахтин 1975]. Роман обращен к повседневности, сиюминутности, к профанной действительности, эпос – ко временам, мифологическим, эпическим, отделенным от нас неодолимой временной дистанцией. Резонно возразить: какая мифология, если начало событий у Носова имеет чёткую историческую, если угодно, профанную датировку – 22 июня 1941 г. Но вчитаемся в текст. Пока лишь на первой странице. Со счастливым прищуром озирает вышедший на покос Касьян «белый свет», «утешную речку Остомлю», «свою деревеньку Усвяты на дальнем взгорье», «затеплившуюся под ранним червонным солнцем, и тоненькую свечечку колокольни, розово и невесомо сиявшую в стороне над хлебами, в соседнем селе, отсюда не видном» [Носов 2005]. Сразу возникают сомнения относительно «типичности», реалистичности этого пейзажа: какие колокольни, если к этому времени на всей Курщине, почитай, ни одной церкви не осталось. А если и оставались где-то колокольни, то явно не «розовые», ибо для этого их следовало покрасить. Резонный вопрос: кому? Но та же деталь (колокольня на урезе буйных хлебов) – совершенно необходима для создания идиллического русского пейзажа. Даже если создающий пейзаж художник в церковь не ходил и христианином себя не считал – как это было с Носовым.

Но это если «глядеть о правую руку»! Если обернуться «влево», «то виделась сторона необжитая», «непролазная чащоба», «никому во всём людском мире неизвестная». Не увидеть доброй иронии автора в описании «уремы», которой бабки страдали расшалившихся внуков и которую зрелые усвятцы, если и посещали, то «чего-то боясь и опасно озираясь», невозможно, но именно так писатель обозначает негативный полюс создаваемого эпического пространства, полюс, противостоящий русской

идиллии с «розовой колоколенкой». В сказке ему соответствует Волшебный лес, в пределах которого обретается вход в Подземный мир, огненная река, избушка Бабы-Яги... Другой вопрос, откуда взяться в курской степи такому лесу, вот и появляются в уреме, т.е. в «кустарниковых зарослях, растущих в низменных долинах рек», вековые дуплистые ветлы, колодный мёд и прочие атрибуты, свойственные скорее волшебной сказке, нежели предвоенному колхозному быту. Очередной повод упрекнуть писателя в отступлении от канонов реализма.

Так, уже на первой странице обозначается ситуация двоимирия, свойственная и древнерусской словесности, и миру фольклора. Но этой антитезой, когда о правую руку розовая колокольня над хлебами, а по левую – жутковатая урема, ситуация двоимирия не исчерпывается. «Весь мир, вся Касьянова вселенная ограничивалась округой в полдюжины деревень. И покидать её пределы было не принято, да и незачем». Как тут не вспомнить другого классика и написанный им в 1849 г. очерк «Сон Обломова», который стал «увертюрой» его бессмертного романа. Это определение самого Гончарова, который одновременно и любовался рожденной его воображением Обломовкой, и иронизировал по поводу её отторженности от полноты вселенского бытия. В Обломовке страшно пугались любой весточки из-за границ тридевятого царства, а потом годами собирались написать на неё ответ – это помещики. А мужики любого незнакомца, пришедшего из-за той же границы, принимали за зверя-оборотня... Касьян, лишь изредка, затем, чтобы купить дегтя, стекло для лампы, или сменить износившийся картуз, покидает деревню и посещает районный городок, а иронии со стороны автора – никакой. Хотя сказочная замкнутость, когда действие происходит «в некотором царстве, в некотором государстве», здесь очевидна. Поэтому, думается, и поселил Носов своего Касьяна не в родном Лебяжьем, а в неведомых Усвятах – какая в этом случае могла быть сказка или «тридевятое царство», если из Лебяжьего весь Курск, а не «районный городок», виден как на ладони.

Тем не менее, хоть и единожды, но покинуть свою вселенную в полдюжины деревень Касьяну все же пришлось, когда в 1927 году он был призван на военную службу. Ни трёхдневная поездка по железной дороге, ни трехлетнее пребывание в войсковой части не сообщили ему новых впечатлений, ибо из узенького окошка теплушки он видел то же самое, что видел в своей деревне, а в части занимался тем же самым, что и на своем подворье – ворочал тюки сена и пересыпал пыльный овёс. Но именно тогда «запало Касьяну, что нет конца и краю русской земле», и благодаря этому осознанию, упоминанию о воинской службе (всего два абзаца!) сказочный эпос строка за строкой начинает претворяться в эпос былинный, героический. Маркеры, подтверждающие это претворение, рассыпаны в тексте во множестве... Верхние Ставцы – это то самое село, где розовая колоколенка, а ставец – посуда из допетровской эпохи, т.е. древнерусская.

Что за город Муром, через который Касьян проезжал дважды и какие ассоциации в сознании русского человека вызывает этот топоним, говорить излишне... Напомним лишь, что былинный «защитник вдов и сирот», каковым позиционировал себя Илья Муромец, ехал в обратном направлении, из Мурома в Киев, а у «поклопой березы», «чёрной грязи» и «Левонидова креста», который, как предполагал замечательный историк-краевед Александр Липкинг, находился как раз на территории теперешней Курской области, он и повстречал Соловья Разбойника.

Нельзя обойти вниманием ещё один маркер... На карте Курской области нет названия Усвяты, но на карте России оно есть... Читаем: «Усвяты – посёлок городского типа в Псковской области России, административный центр Усвятского района». Первое летописное упоминание 1021 год. Ярослав Мудрый, полоцкий князь Брючислав (отец того самого Всеслава Полоцкого, что в «Слове...»), Александр Невский, Ольгерд, Иван Грозный, Стефан Баторий. Все они либо побеждали, либо терпели поражение у стен Усвят, либо владели ими, либо что-то строили. Археологи находят здесь артефакты дохристианской эпохи – это ли не эпический контекст.

В системе образов «Усвятских шлемоносцев» есть герой, являющийся, казалось бы, полную противоположность былинному Илье, - дедушка Селиван. Выделяется он прежде всего тем, что это единственный возрастной персонаж, старик в окружении зрелых, пребывающих в полноте мужских сил, на четвёртом десятке лет жизни мужиков (главному герою Касьяну – 36 лет). Похоронив жену, жил он бобылём, не держал на подворье никакой живности, даже огород не засеивал. Питался доброхотностью соседей, которые не отказывали ему «в стариковской малости» и почти всегда наливали «чего-то похлебать». Когда же налить забывали, он довольствовался кружкой воды. Впрочем, «пуще хлеба держался он людским словом», как бы невзначай замечает автор, а небезучастный к христианской тематике читатель остается в убеждении, что перед ним парафраз евангельского речения о том, что «не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божиим». Жаждавший общения старик поэтому редко обретался «в своем доме», «а преимущественно там, где была доступна живая душа». Вместе с тем кульминационная сцена повести, приводящая к общему знаменателю все её смыслы, проходит именно в хатенке дедушки Селивана, и занимает она двадцать из ста пятидесяти страниц текста.

Получивший повестку Касьян, неприкаянно бродит по селу и как бы случайно приходит к жилищу деревенского юродивого, стоящему на отшибе, окружённому зарослями репейника. В мутном окне мелькнуло лицо седовласого старца, которое писатель сравнил с древним иконописным. И подобное сопоставление стало первым сигналом к тому, как надлежит воспринимать то, что произойдет под крышей ветхого и

убогого жилища. Жестами старик приглашал Касьяна войти. Войдя в насквозь прокуренную хату, он встретил здесь соседей-мужиков, которые также получили повестки и собрались с тем, чтобы выпить и поговорить «вдали от баб», которые со дня объявления войны не столько говорили, сколько голосили и причитали. Вскоре на столе появилась водка, но собравшиеся не торопились разбирать разномастную посуду, потому как ещё ни разу не приходилось выпивать по такому поводу. Кто-то отошел к окну, кто-то устремил взгляд в угол, «где в полутьме перед погасшей лампадой одиноко висела простенькая дощечка с угодником». Так обозначил писатель присутствие в доме иконы, пространство сакрализировалось, а Селиван, как бы вторя этому, начал приобщать собравшихся к некоему сокровенному знанию: извлёк из шкафчика заветную коробочку, где бережно, под прядками овечьей шерсти хранил наградной Георгиевский крест. Как оказалось, не он один, были в Усвятах старики, которые, подобно ему, с царских ещё времен в тайне хранили свои кресты - как реликвию, обеспечивающую связь времен, связь с прошлым, от которого в те годы надлежало отрекаться. Вскоре из того же шкафчика была извлечена огромная, в пожелтевшем кожаном переплете и с металлическим накладками «алтарно пахнущую книга», и старик, отменяя всё суетное, стал торжественно, воздевая указательный палец к потолку, читать. И открылось мужикам значение их имён, и оказалось, что они не просто Лехи, Кольки и Афони, а кто защитник, кто победитель, кто не боящийся смерти. А Касьян так тот и вовсе – шлемоносец! И оказалось, что мужики не просто рутинно пахали колхозную землю, растили хлеб, косили траву, ходили за лошадьми, рожали и возвращали детей, а священнодействовали каждый на своём поприще, а 22 июня знаменовало начало нового акта священнодействия, и соответствующие роли были им уготованы ещё с момента рождения, когда им давали имена, значение которых проявилось только с началом войны. Благодаря «алтарно пахнущей книге» они осознали себя звеньями той цепи, что соединила их и с дедушкой Селиваном, воевавшим в японскую и германскую, с теми стариками, что защищали Севастополь, их ещё помнил Селиван, и с тем воинами, что защищали Русь от половцев ещё в 12 веке – эту связь обозначил уже писатель, подобрав соответствующий эпитаф к своему сочинению. Не случайно, называет писатель затянувшиеся до темна нетрезвые мужицкие посиделки Тайной вечерей. Кошунство в таком определении можно разглядеть лишь при очень большом желании, ибо вошли мужики в нищую лачугу с земляными полами растерянными колхозниками, а вышли оттуда осознавшими своё высокое, эпическое предназначение шлемоносцами.

Обсуждение результатов

Основные положения статьи нашли отражение в докладе, представленном на международной научной конференции «Вокруг Тургенева»: Международная научная конференция, посвященная 205-летию писателя. Орёл, 15-16 декабря 2023 г.

Заключение

В своё время Д.С. Лихачев заметил, что автор «Слова о полку...» не собирался в очередной раз пересказывать события, связанные с Игоревым походом. Его расчёт строился на том, что потенциальный читатель и без того был хорошо осведомлён об этих событиях [Лихачёв 1979]. Фиксировать происходящее – это задача летописца, у анонимного автора задача была другая: сообщить эпическое звучание тому, о чём все знали, о чём говорили, быть может, пели, подобно тому, как это было с «Илиадой» и «Одиссеей», пока великий слепец Гомер не сообщил им канонический вид. Не то ли находим у Носова! Его повесть предназначена для тех, кто очень хорошо знал, что произойдёт в 41, 42, 43 годах. Чем всё закончится в 1945. Знал, что из ровесников Касьяна практически никто не вернётся домой, а, значит, наверняка, и сам Касьян. Поэтому нет у Носова подвигов, разрыва снарядов, свиста пуль, сцен из ставки главнокомандующего – всего того, что чаще всего ассоциируют с эпопеей. Есть лишь несколько дней из жизни русской деревни, жители которой, не прозревая масштабов грядущих событий, со смиренным и одновременно эпическим достоинством идут им навстречу. Или, как писал Николай Страхов применительно к роману-эпопее Льва Толстого: «Вот такая жизнь изображена в "Воине и мире" - не личная эгоистическая жизнь, не история индивидуальных стремлений и страданий; изображена жизнь общинная, связанная во всех направлениях живыми узами» [Страхов [http](http://)].

Библиографический список

Бахтин М.М. Слово о романе, Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 72–233, 447-483.

Лихачёв Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1979. С. 181-184.

Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Русский путь, 2005. Т. 4. С. 7-159.

Страхов Н.Н. Сочинения гр. Л. Н. Толстого // Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. -- М.: Современник, 1984. - (Б-ка "Любителям российской словесности" [Электронный ресурс] URL http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0110.shtml (дата обращения: 15.12.2023).

References

- Baxtin M.M.* Slovo o romane, E`pos i roman // Voprosy` literatury` i e`stetiki. M.: Xudozh. lit., 1975. С. 72–233, 447-483.
- Lixachyov D.S.* Velikoe nasledie. M.: Sovremennik, 1979. S. 181-184.
- Nosov E.I.* Sobranie sochinenij: V 5 t. M.: Russkij put`, 2005. T. 4. S. 7-159.
- Straxov N.N.* Sochineniya gr. L. N. Tolstogo // Straxov N. H. Literaturnaya kritika / Vstupit. stat`ya, sostavl. N. N. Skatova, primech. N. N. Skatova i V. A. Kotel`nikova. -- M.: Sovremennik, 1984. - (B-ka "Lyubitelyam rossijskoj slovesnosti" [E`lektronny`j resurs] http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0110.shtml (data obrashheniya: 15.12.2023).